

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

*Кожурина Т.А.
(Могилев, Беларусь)*

Георгий Конисский известен как выдающаяся личность, церковный деятель, проповедник, политик и дипломат, ученый, педагог, писатель. Его творческая деятельность относится к 18 в., к периоду широких социальных, общественно-политических и религиозно-культурных преобразований.

Язык религиозных текстов Георгия Конисского, как способ бытия смысла в единстве своей статики и динамики, а также пространственно-временных характеристик представляет собой когнитивный процесс символизации смысла (символизирующий процесс) и социокультурно

детерминированное пространство символизированных смыслов (символосферу). На языке религии любой смысл становится религиозным, т.к. благодаря действию специфических когнитивных конструкторов и механизмов, язык религии сакрализует окружающий мир и внутренний мир религиозного человека, создает особый способ мотивации [3, с. 276–279].

В сочинениях Георгия Конисского нашла отражение антропоцентрическая, функциональная парадигма, согласно которой тело человека, а также его части, является той моделью, согласно которой осуществляется концептуальное и языковое конструирование мира человека (*наг убу души и т'Бла; твои грабли-руки; въ томъ трупѣ всѣ союзы членовъ, остыла кровь и въ гной претворилась; это есть одна телуха, а намъ ядро надобно*).

Ярко и многопланово представлена в языковой картине мира Георгия Конисского *душа*, составляющая сущность человека, его внутренний мир, особое нематериальное начало, способное существовать независимо от тела (*твоя душа ощутишь таковъ гласъ Архангеловъ*), особое бессмертное нематериальное начало в человеке, связывающее его с Богом (*благодатию Божією наполненная душа*).

Душа может быть хранилищем, сокровищницей (*сосудъ т'Бла твоего, храмъ Духа Святаго*); ценностью, которую можно заложить, продать, купить или которой можно завладеть (*душѣ грешащей орудиемъ есть; всегда о ц'Бнѣ душъ и т'Блесь нашихъ удами Христовыми быть удостоившихся; и душею и т'Бломъ не свои есьмы, куплены бо ц'Бною*).

Часто в проповедях Георгия Конисского *душа* синонимична понятию *сердце*, что связано с представлением о локализации души в сердце (*приходитъ бо и нынѣ Онъ до сердца нашего; входъ Спасителя нашего въ сердца наши; преллагаются горы въ сердца морская; сіе то ожесточеніе нераскаяннаго сердца; не сердце человеку не възидоша*).

В языковой картине мира Георгия Конисского *душа* выступает как символ внутреннего мира человека, место средоточия эмоций, желаний, связанных с удовлетворением духовных запросов и потребностей (*обнять умою, или сердцемъ, или чувствіемъ какимъ нашимъ совершенство царствія Божія*). Таким образом, модель личности у Георгия Конисского основывается на противопоставлении *тела* как материального компонента человеческой сущности *душе* как морально-эмоциональному ядру человека. И в этом противопоставлении приоритетом обладает именно *душа* (*когда т'Бло его, сосудъ грѣха, крѣпостница беззаконій, такъ рассыплется, что плоть на костяхъ и кости при своихъ жилахъ не останутся, душа же окаянная отведется въ плѣнъ вѣчную*).

Противопоставление души и тела у Георгия Конисского часто происходит как противопоставление земных благ и духовных. Образ души как высшей ценности противопоставляется материальным, земным богатствам (*напротивъ въ чистыхъ непорочныхъ душахъ храмъ себѣ и чертогъ избираетъ Духъ Святой*). В антитезе душа-тело присутствует мотив тесной связи духовного и телесного (*и сіе то соединеніе душъ и тѣлесъ нашихъ; въ чистыхъ и непорочныхъ душахъ и тѣлесахъ; не только души, но и тѣлеса почелъ быть членами и частями Самого Себя*). В паре душа-плоть в проповедях Георгия Конисского отношения разные, и зависимость тела от души может меняться на зависимость души от тела, но в гораздо меньшей мере. Душа мыслится зависимой лишь от некоторых недостатков плоти (*бо въ плотскомъ супружествѣ, однакъ забудетъ ли Онъ свойственниковъ и братію Свою, отложить ли плоть нашу отъ Себя*). Земная жизнь рассматривается как особый путь души, от которого зависит ее дальнейшая судьба, а душа видится как важнейший и основной элемент человеческой сущности, не зависящий от внешних обстоятельств земной жизни (*во всѣхъ и душевныхъ и тѣлесныхъ, и тонкихъ и грубыхъ, даже и въ самыхъ словахъ и помысленіяхъ грѣховныхъ, тѣло наше душѣ грѣшащей орудіемъ есть*).

Языковое выражение эмоций у Георгия Конисского оформляется эмоционально-оценочной лексикой и экспрессивным синтаксисом: эмотивные предложения, реприза, стилистические повторы, парцелляция и другое (*оживающими и снѣдающими ихъ, утверждаютъ бо натуры ихъ испытатели; глупъ былъ бы, который бы съ чумою хотѣлъ сражаться, тоже разумѣть*). Описание эмоций достигается использованием в языке глаголов чувств и отношений (*совсѣмъ невозможно врачевать; апостольскихъ словъ разумѣютъ блудника; пернѣсъ такового въ тѣло согрѣшенія*).

В текстах Георгия Конисского встречается изображение эмоций через описание поведения и внешнего вида человека. Выделяются такие компоненты, которые изображают его эмоциональное состояние: речь, характеристика речи как деятельности (*станете, говорить; тоже разуметь должно*); описание внешности, изменение внешности. Описание внешности с целью изображения эмоций человека сосредотачивается на описании лица (фрейм лица) и его составляющих (субфреймов), в первую очередь это глаза, брови, щеки, нос (*блюсти око отъ прелестей и уши отъ бесѣдъ*); описание движений, жестов (*влѣзъ тудаже и голыши; царь пришелъ въ залъ видѣти гостей своихъ; таму будетъ плачь, сирѣчь*).

Особое место в языковой картине мира Георгия Конисского занимает антитеза концептов-категорий *прекрасное – безобразное. Прекрасное*

представляет собой абсолютную ценность и несет в себе положительную значимость в творчестве Георгия Конисского, *безобразное* ценностью не является, но именно по отношению к *безобразному* обнаруживают себя ему противоположные проявления *прекрасного*. Дихотомия *прекрасное-безобразное*, отражая двоичность восприятия окружающего мира, является универсальной оппозицией, которая лежит в основе описания языковой картины мира Георгия Конисского и обуславливает специфику его ментальной концептосферы и системы ценностей. Безобразно не только то, что лишено образа Божьего, но и то, что направлено против Бога и христианского вероучения в целом. В качестве силы, противопоставленной Богу, в концептосфере Георгия Конисского выступают *дьявол (сатана)*, бесы, лукавый, демоны, которые являются источником зла и греха (*не преселится къ тебе лукавый*). Если *свет* в системе нравственно-эстетических взглядов Георгия Конисского воспринимается как чувственное воплощение Бога, то *тьма становится неотъемлемым атрибутом и качеством сил зла (и ты, наконецъ, діаволь, праведно, кажется, настоишь, дабы Богъ, яко огонь поядаяй грѣшники)*. Поэтому все, что носит временный характер, относится к сфере земного существования, тленно и преходяще по своей сути, анти-тетично Богу, т.е. относится к категории *безобразного*. Таким образом, категория *безобразного* в концептосфере Георгия Конисского – прежде всего категория этическая, в осмыслении которой доминирующим становится духовно-религиозный аспект. *Безобразное* – это антиценность, противопоставленная прекрасному, соотносимому с представлениями о Боге.

В системе ценностей Георгия Конисского большое значение имеет понятие *греха*, в котором нашли свое отражение мировидение русского православного человека, его психология, этические и моральные принципы, религиозные знания (*за кого бо Онъ умеръ, если не за грѣшниковъ; во грѣхъ роди насъ мати наша; кромѣ Христа Іисуса, умершаго за грѣхи наши*). Н.О. Козина отмечает, что грехом на Руси, следуя новозаветной христианской традиции, «считается поступок, нарушающий закон совести, т.е. безнравственный поступок» [1, с. 13]. Ключевым в осмыслении данного понятия в системе концептов Георгия Конисского становится религиозный аспект: именно приобщенность к христианским ценностям определяет этические нормы концептосферы проповедника. Однако *грех* у Георгия Конисского – понятие многоплановое. Любой поступок, противоречащий нормам христианской этики, является грехом, и человек приобщается к греху, если обладает определенными отрицательными качествами, например, такими, как склонность к вражде, ненависть к ближнему, злость, жестокость,

жадность и корысть, сластолюбие и склонность к блуду, отсутствие стыда, склонность к ропоту, лживость, склонность к лести, лень и др. (*тѣло наше душѣ грѣшащей орудіемъ есть, въ какомъ разсужденія никакой грѣхъ кромѣ тѣла быть не можетъ: второе, объяденіе и пьянство; убійца убиваетъ старонняго*).

Согласно христианской концепции, спасение и воскресение души возможно благодаря Высшей силе – Богу. В текстах Георгия Конисского *Иисус Христос является основополагающим* (за милость Свою благоволилъ Сынъ Божій, Единородный; удове Христовы; захотѣлъ бы отъ Христа; христіане Тѣлу и Крови Христа Спасителя; пожериагося за насъ Сына Божія)

В понимании Георгия Конисского *Бог* – нечто непознаваемое, таинственное, вбирающее в себя представления о душе, соборности, доброте, открытости, сердечности (*и помазываетъ насъ Богъ; причащенію тѣла и крови Господни; слышитъ Богъ нынѣ*).

Лексема *Бог* у Георгия Конисского в свое семантическое поле включает семы «бесконечность», «величие», «вечность», «творец», «свет», «солнце», «жизнь», «начало», «единый», «трехликий», «вездесущий».

Таким образом, творчество Георгия Конисского характеризуется богатством значений различных лексических единиц и концептов, восстановлением архаических значений, широким разнообразием словоупотребления, а также представляет собой необыкновенный полифонизм и синтез различных языковых и художественно выразительных средств.

Литература и источники:

1. Козина, Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех»: автореф. ... канд. филол. наук: 100201– Русский язык / Н.О. Козина. – Иваново, 2003. – С. 21, С.13.
2. Конисский, Георгий. Слова и Речи / Георгий Конисский, архиепископ Могилевский. Редколлегия: протоиерей Георгий Соколов, А.Н. Емельянов, С.Э. Сомов. – Репр. Изд. 1892 г. Могилев на Днестре. – Могилев : АмелияПринт, 2017. – 473 с.
3. Лихачев, Д.С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли / Д.С. Лихачев // Каверин, Н. Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 1999. – С. 276–279.